

Поэзия всегда спасала. Побеждая тьму, тиранство, злобу. Падая под Дантесовой пулей, все равно побеждал Пушкин. Помните у Беллы Ахмадулиной: "Так кто же победил, Мартынов или Лермонтов, в дуэли той?" И отвечает: Лермонтов. Побеждала Цветаева, засовывая свою выю в елабужскую вечность. Побеждал горячечный в предсмертном бреду Мандельштам, сбрасываемый в магадано-адовый шурф.

...Переключая тумблер, хочу убежать от кровавых ОРТ-НТВ-ВЕС-ТИЙных пейзажей. Удается с трудом, ибо везде слезы, гексаген, смерть, припущенно-траурные флаги. Но вот спасительная картинка: на экране поэт. Визави с упитанным эстланцем Андрей Вознесенский. Распахнутый ворот рубашки, византийская несуетность, яркие образы - штрихи времени. Строки стихов успокаивают, дают передышку. Поэзия - скорая помощь. О! И это неправда, что будто бы уменьшилось количество потребления стихов на душу населения. Книжки любимых авторов исчезают с прилавков. Особенно осенью. Перволюбленные десятиклашки перечитывают мудрых оракулов.

Андрей Андреевич произносит имя Иосифа Бродского. Лауреата Нобелевской премии, поэта-изгнанника, одного из самых великих поэтов XX века. И моя память оборачивается назад, в далеко-счастливое и трагически вдохновенное время. Время живого Бродского. И сколько бы ни вспоминалось, всякий раз как будто все заново.

Здесь, - сказал Евгений Рейн, когда мы проезжали мимо великолепного здания по соседству с Михайловским дворцом, - в 1964 году судья Савельева вынесла приговор Иосифу Бродскому, моему другу. Пять лет ссылки. Она осудила его как тунеядца, а он был всего лишь поэтом.

Приехав в Нью-Йорк, я позвонил по телефону 9290481 и попросил Иосифа Бродского. Мне ответили, что его нет, что он находится в трехстах милях от города и будет нескоро. Я был обескуражен. Я горел непреодолимым желанием встретиться с поэтом, трагически оказавшимся вдали от Родины. Поговорить с ним, посмотреть на него, попросить почитать стихи. Иосиф Бродский был для меня, как и для многих, легендой советской поэзии, одной из самых ярких ее звезд. Умирая, Анна Андреевна Ахматова передала ему лиру.

В феврале 1988 года я впервые приехал в Америку, которая, конечно же, меня потрясла. Но вот удивительно - среди тысяч соблазнов все равно хотелось увидеть русского поэта, жившего в эмиграции. Как же быть? И вдруг меня осенило: найти в Нью-Йорке машину (ну что стоит, думаю я, в таком гигантском скопище моторов найти человека, который бы вызвался помочь советскому журналисту) и проехать те триста миль, которые отделяли Нью-Йорк от местечка Саутхэлли, где находился Бродский. Однако машину найти оказалось нелегко. Точнее не машину, а человека, который потратил бы на поездку - и, собственно, во имя чего - целый день.

Помог мне Эдуард Нахамкин - в то время это имя было уже не пустым звуком для американских и русских любителей живописи. Когда-то он уехал из Риги и сумел в Штатах разбогатеть, стать миллионером на продаже картин. Кстати (жизнь - череда сказочных непредсказуемых метаморфоз), по слухам, сегодня Нахамкин - реорганизатор и один из хозяев знаменитой московской фабрики "Дукат". Бизнес есть бизнес: вчера живопись - нынче сигареты. Главное, вкалывать, ловить свою жар-птицу.

Машина, огромный блестящий "Линкольн", была найдена, но вдруг по всему побережью повалил снег. Для американцев два сантиметра белого покрова - уже катастрофа: перекрыты дороги, закрыты аэропорты. Но разве я мог сидеть и ждать сложа руки? На третий день ожидания у моря погоды я не вытерпел и, не искушая дальше судьбу, соединился с Иосифом Бродским по телефону. В одной руке телефонная трубка, прижатая к уху, в другой -

блокнот. Страшно волнуясь, сердце стучит, как отбойный молоток. Все приготовленные загодя вопросы в миг улетучились из головы.

- Почему вы сейчас не в Нью-Йорке, а в Саутхэлли?
- Я преподаю здесь историю русской и английской литературы. Я занимаюсь этим уже много лет.
- Вы профессор?
- Да.
- А сколько у вас студентов?
- По-разному, колледжи здесь небольшие. Иногда я читаю лекции

самой сильной речью среди литературных лауреатов была речь Альбера Камю. А как вы считаете?

- Своей речью я вроде бы доволен. А речь Камю и впрямь великолепна. Своей трагической и жестокоправдой сутью.
- Скажите честно, вы надеялись на премию, ждали ее? Желали?
- О ней говорили в связи с моим именем несколько лет. Хотя для меня она все равно была неожи-

- Вы, наверное, читали произведения многих писателей и поэтов, возвращающихся нынче читателю из прошлого, из небытия? Кого, по-вашему, надо издать, кого забыть? (Напоминаю, вопрос 1988 года. С той поры в России издано практически все, что запрещалось и царской, и советской властью за все 450 лет книгопечатания! - Ф.М.)
- Мне кажется, надо издать Собрание сочинений Михаила Кузмина, книги Вагинова, Андрея Платонова, "Чевенгур", например.

ходимости быть в определенном месте...

- Вы в чем-то разочарованы?
- Разочарования не произошло... В моей лекции есть мысль, что дело не столько в том, что добродетель не является гарантией создания шедевра, сколько в том, что зло, особенно политическое, всегда плохой стилист... Мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельного человека всегда можно спасти.

...Этот уникальный телефонный разговор с лауреатом Нобелевской премии длился примерно час. Моя рука, державшая трубку, онемела, голова гудела, точно телефонные провода высокой тяги, я почувствовал, что мой собеседник тоже немного устал. Я поблагодарил Бродского за интервью. Мы попрощались. Я положил трубку. Но в ту же секунду мне показалось странным, что я не испытывал особого пиетета, что беседовал с великим поэтом. В голосе Бродского, в тембре долетающих до меня словесных конструкций, в некой литургической монотонности, в еле ощущаемом дрожании голоса я уловил человеческое волнение. Я разговаривал, как мне тогда казалось, с человеком, который как бы надолго уехал из родного дома. Но я ошибся - этот человек, советский литератор, ставший лауреатом самой престижной премии мира, в 1970 году покинул родной дом навсегда. Он умер от инфаркта в том же Нью-Йорке в 1996 году. "Пламенный мо-

Иосиф Бродский

ИНТЕРВЬЮ - ВОСПОМИНАНИЕ

умер во сне

двадцати студентам, иногда передо мной семьдесят слушателей.

- Но вы же великий поэт. Разве вы не живете гонимыми? У вас финансовые проблемы?

- Финансовые проблемы отпали, мне нравится преподавать, читать лекции.

- И вас слушают?
- О, еще как! Но это не моя заслуга. Это заслуга предмета, коим я просвещаю молодых людей. Поэзия, слово для них - как музыка. Они просто слушают, внимая оратору. И это, я вижу, им не в тягость.

- Скажите, что представляла собой ваша Нобелевская лекция? Ведь вы только что вернулись из Стокгольма. Как проходила церемония? Мы в Советском Союзе мало об этом знаем.

- О лекции в двух словах не скажешь. Если вы ее не читали, мои нью-йоркские друзья помогут вам приобрести полный ее текст. Премию вручали в Стокгольме в городской ратуше. Я был одним из семи лауреатов в разных областях науки и искусства.

- Я слышал, что на торжественный акт приглашаются друзья. Были ли ваши друзья рядом в тот памятный день?

- Друзья были. Но Евгений Рейн приехать не мог. К сожалению.

- Удовлетворены ли вы своей речью? До вас из русских писателей "Нобеля" получали Бунин, Шолохов, Пастернак и Солженицын. Вроде бы они были удовлетворены, хотя, на мой взгляд,

данностью. Что касается желания, то оно приходит с желанием Бога.

Выдержки из Нобелевской лекции Иосифа Бродского

...Независимо от того, является ли человек писателем или читателем, задача его состоит прежде всего в том, чтоб прожить свою собственную, а не навязанную или предписанную извне, даже самым благородным образом, глядящую жизнь. Ибо она у нас у каждого только одна, и мы хорошо знаем, чем все это кончается...

...Многое можно разделить: хлеб, ложе, убеждения, возлюбленную, но не стихотворение, скажем, Райнера Марии Рильке. Произведение искусства, литература в особенности... обращается к человеку тет-а-тет, вступающая с ним в прямые, без посредников, отношения.

...Я не призываю к замене государства библиотекой - хотя мысль эта неоднократно меня посещала - но я не сомневаюсь, что, выбирая мы наших властителей на основании их читательского опыта, а не на основании их политических программ, на Земле было бы меньше горя.

- Каковы тиражи ваших книг?
- Представляю их только приблизительно. От десяти до двадцати тысяч каждая.

- Но ведь это совсем неплохо. Вы довольны?

- Не знаю.
- А как вы относитесь к книгам о себе? Их, кажется, уже шесть или семь.
- Отношусь к ним несерьезно.

Бродский заговорил о своем ленинградском друге Рейне, человеке, у которого, как он сказал, многому научился.

- Почти всему, на начальном этапе. Он был моим мэтром. Это было в конце пятидесятых - начале шестидесятых годов.

- Рейн мне рассказывал, что именно он познакомил вас с Ахматовой.

- Да, это так. В шестьдесят втором году. Мне тогда чуть перевалило за двадцать. Рейн привез меня к Анне Ахматовой на дачу в Комарово.

- И что осталось от той встречи в памяти?

- Если честно, воспоминания смутные. Потому что они были очень волнующими... Но вообще-то об Анне Андреевне я могу говорить много. Один литератор, его фамилия Волков, беседовал со мной об Ахматовой долго-долго. Если найдете его публикации, прочитайте. (Совсем недавно в Москве издан этот объемистый том С.Волкова "Иосиф Бродский. Беседы об Ахматовой". - Ф.М.)

Скажу только, что временами я виделся с Ахматовой редко, а одну зиму я снимал дачу в Комарове и общался с ней каждый день. Однажды Анна Андреевна мне сказала: "Вообще, Иосиф, я не понимаю, что происходит: вам же не могут нравиться мои стихи". Я не понимаю, почему она так сказала. Я запротестовал. Хотя не уверен, был ли это искренний протест. Ведь в ту пору я был нормальным советским молодым человеком, которому зачастую было не до стихов. Подлинный интерес к поэзии Ахматовой пришел ко мне позже. Мандельштама я впервые прочел в 23 года. Вы удивитесь, но, когда Рейн предложил мне поехать к Ахматовой, я был поражен, что она жива.

- А когда вы начали писать стихи?

- Лет в восемнадцать-девятнадцать.

Я помолчал и неожиданно для себя спросил:

- Вы ощущаете ностальгию? Вы тоскуете? (Мне не хотелось произносить высокопарное слово "Родина", но я ощутил, что Бродский это понял. - Ф.М.)

- Ностальгию? Как об этом говорить? И что это? Отказ от требований реальности? Я всегда старался вести себя ответственно и не предавался сентиментальностям... Не знаю, переболел ли я ностальгией. Я не думал, что то, что называется ностальгией, сильнее необ-

тор" поэта барахлил уже много лет, и тот инфаркт был далеко не первым. Медики предлагали именитому пациенту вмонтировать в грудную клетку искусственное сердце, но Бродский наотрез отказался. "У поэта не может быть искусственного сердца", - заявил он. Бродский умер во сне на втором этаже своей квартиры. Жена Мария, по трагической несправедливости Судьбы, проспала смерть мужа. Так уж, видно, было угодно Богу, что великий поэт просто уснул. Считается, что такая тихая и величественная смерть - подарок Небес. Похоронили Иосифа Бродского по его завещанию в Италии. Прах покоится на одном из венецианских кладбищ вдали от тлена мирской суеты. Той самой, которая не допустила меня до великого барда XX века. И "позволила" только услышать его величавый голос. На расстоянии, по телефону. Но я все равно благодарен за это судьбе.

Феликс Медведев, 1988-1999

НА СМЕРТЬ ЖУКОВА

Вижу колонны замерших внуков, гроб на лафете, лошади круп. Ветер сюда не доносит звуков русских военных плачущих труб. Вижу в регалии убранный труп: в смерть уезжает пламенный Жуков.

Воин, пред коим многие пали стены, хоть меч был вражеских тупей, блеском маневра о Ганнибале напоминавшем средь волжских степей.

Кончивший дни свои глухо в опале, как Велизарий или Помпей.

Сколько он пролил крови солдатской в землю чужую! Что ж, горевал? Вспомнил ли их, умирающий в штатской белой кровати? Полный провал.

Что он ответил, встретившись в адской области с ними? "Я воевал".

К правому делу Жуков десницы больше уже не приложит в бою. Сии! У истории русской страницы хватят для тех,

кто в пехотном строю смело входили в чужие столицы, но возвращались в страхе в свою.

Маршал! Поглотив аличная Лета эти слова и твои прахоры. Все же прими их - жалкая лепта родину спасшему, вслух говоря. Бей, барабан, и военная флейта, громко свисти на манер снежины.